

«СВОЯ ЗЕМЛЯ»: ФАКТОР ТЕРРИТОРИИ В РАЗВИТИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА. ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ¹

О.В. Рвачева

Аннотация. В истории развития сообщества территория играет важную роль. В процессе исторического развития возникают особые социокультурные и политические характеристики сообщества, в основе которых находится территориальный ресурс. Формирование и развитие донского казачества было связано с особым степным регионом. Территориальный фактор оказывал влияние на политические и социальные процессы у донских казаков, его значение выявилось и в ходе возрождения казачества в конце XX–начале XXI в. Целью данной статьи является определение роли территории для развития донского казачества в историческом и современном контексте. Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения значимых характеристик территории, оказывавших влияние на развитие донского казачества, как локального сообщества. В статье выделены различные аспекты связи казачьего сообщества с территорией проживания, проанализированы политический, экономический и социокультурный аспекты взаимосвязи сообщества с территорией проживания в разные исторические периоды. Новизна исследования заключается в выявлении взаимосвязи территориальных трансформаций XX в. с социокультурными изменениями казачества, как социальной и территориальной общности. Исследование основано на документах нормативно-правового и делопроизводственного характера, статистических данных и результатах соцопросов. Методологической основой исследования является историко-сравнительный метод, а также концепция социокультурного конструирования.

Ключевые слова: донское казачество, территория сообщества, трансформация, конструирование, идентичность, имидж.

Рвачева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, 400066, Россия, г. Волгоград, ул. им. Гагарина, 8, olgarvacheva@mail.ru.

---

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ».

“NATIVE LAND”: THE TERRITORY FACTOR IN THE DON COSSACKS DEVELOPMENT. HISTORICAL, POLITICAL, SOCIAL AND CULTURAL FACETS

O.V. Rvacheva

Abstract. The territory plays an important role in the history of a community. In the process of the territory development a complicated relationship between the community and the territory arises. During historical development, specific social, cultural and political characteristics of the community emerge. Those characteristics are based on the territorial resource. The formation and development of Don Cossacks took place in the specific steppe region. The territory factor affected political and social processes of Don Cossacks. The territory significance was revealed in the Cossacks revival processes at the turn of the century as well. This paper aims at determination of the role of the territory in the Don Cossacks development both in the historical and modern contexts. The urgency of the research work comes from the necessity to determine the significant territory characteristics that shape the development of Don Cossacks as a local community. The paper distinguishes various aspects of the relationship between the Cossack community and their territory. Also, it analyses the political, economic, social and cultural aspects of the relationship between the community and the territory in different historical periods. The research novelty is to establish the interrelation between the 20th century territorial transformations and the social and cultural changes of Cossacks as a social and territorial community. The research work is based on laws, regulation and office documentation, and on statistical and opinion polls data. The methodological basis of the study is the historical-comparative method, as well as the concept of socio-cultural construction.

Keywords: Don Cossacks, community territory, social processes, transformation, construction, identity, image.

Феномен территории, играя важную роль в развитии общества, имеет различное значение в зависимости от ситуации и происходящих процессов. В социокультурном контексте это превращение чужого пространства в «свое», структурированное пространство культурного порядка. Формирование идентичности сообщества через символический ресурс территории, поддерживаемой символами и образами. В контексте этногенеза территория рассматривается как один из факторов формирования и развития этноса. В концепции политогенеза становление политических систем и государственных институтов также тесно связано с территориальным фактором.

В историческом развитии донского казачества проявились все контексты взаимоотношения сообщества с территорией. В процессе освоения пространства Дикого поля происходило выстраивание различных типов связей сообщества с территорией и создание специфического социокультурного пространства донских казаков. Однако в XX в. это пространство несколько раз подвергалось воздействию модернизационных процессов, изменявших, как социокультурный облик донских казаков, так и облик территории, на которой они проживали.

Территория в истории казачества рассматривалась в различных ракурсах. Можно выделить несколько ключевых направлений изучения влияния территории на становление и развитие казачьего сообщества на Юге России. Во-первых — это исследования в контексте теории фронта, затрагивающие такие вопросы, как граница миров и ее преодоление, особенности кросскультурных контактов, специфические социокультурные характеристики казаков, как «людей фронта», превращение чужого пространства в свое и т.п. Исследованиями в данном направлении занимались А.М. Авраменко, Д.В. Сень, А.В. Сопов, М.А. Рыблова и др. [Авраменко, Б.г.; Сень, 2009; Сопов, 2012; Рыблова, 2006]

Второе направление исследований, наиболее многочисленное, содержит работы статистического и хозяйственно-географического характера. Это описания протяженности территорий казачьих войск, особенностей земельных ресурсов, какое значение это имело для формирования казачества, как военно-служилого сословия. Из последних работ в этом направлении можно выделить работу А.А. Волвенко о развитии донского казачества в позднеимперскую эпоху [Волвенко, 2018].

Третье направление — изучение территориальных переделов на Юге России в контексте осуществления большевиками политики расказачивания. Концептуально важной здесь представляется высказанная Н.Ф. Бугаем идея о территориальном геноциде в отношении казачества [Бугай, 2000].

Четвертое направление связано с изучением феномена территории в контексте возрожденческого процесса. Это направление можно назвать сложносоставным, так как здесь есть работы, посвященные политическим требованиям казаков о возвращении утраченных территорий и возникавшим в связи с этим конфликтам

[Верховский и др., 1996; Маркедонов, 2003], взаимодействии казачества с властью и формирование систем казачьего самоуправления в регионах Юга России [Коренько, 1998; Озеров, Киблицкий, 2003; Озеров, Киблицкий, 2004; Рвачева, 2016], использование казачьей истории и культуры в качестве территориальных брендов [Кринко, 2012] и др. Данная статья посвящена, прежде всего, проблематике политико-институциональной природы территориального фактора, его связи с формированием осознанных интересов сообщества и влияния на развитие этих интересов в истории казачества. Целью данной статьи является выявление роли территории для развития казачества в историческом и современном контексте.

В качестве источниковой базы исследования выступают нормативно-правовая и делопроизводственная документация, отражающая территориально-административные и политические процессы на территории донского казачества, социологические исследования, проводившиеся в отношении казачества в 2000-х гг.

Методологической основой исследования стали принципы объективности и историзма. Для анализа материала использовался историко-сравнительный метод, а также концепция социокультурного конструирования.

Основой для выстраивания связи донского казачества с осваиваемой территорией являлось право первопоселенцев. И хотя казачество не было первым народом, поселившимся на степной территории, именуемой в средневековье как «Дикое поле», в XV–XVI вв. оно смогло сначала установить контроль над этой территорией, а затем закрепиться, основав поселения. Процесс освоения Дикого поля оказался у казаков тесно связан с процессом формирования самого сообщества, которое ряд историков считают этногенезом. Отсюда понимание своего права на данную территорию у казаков, как права первопоселенцев.

Другим основанием для формирования концепта «своя земля» являлась политика имперской власти, жаловавшей казакам территории во владение. Начало этому положила Екатерина II, подписав в 1793 г. особую жалованную грамоту на владение Донским войском землями, утвержденными по генеральному межеванию 1786 г. [Козлов и др., 1999, с. 27]. В 1803 г. император Александр I пожаловал войску Донскому земли по рекам Ее, Ельбузде, Кагальнику, Чубурке и Чубуру и др. В 1817 г. вышел царский Указ, закреплявший навечно неприкосновенность территории Войска Донского [Агафонов, 2001, с. 41].

Следующее направление выстраивания связи сообщества и территории – экономическое. Одновременно с формированием территории донских казаков происходило утверждение их особых прав на нее. Казачьи войска создавались и развивались, как самоуправляющиеся войсковые общины, их главным хозяйственным ресурсом являлась земля. Структура земельных владений предусматривала войсковую землю. В Области войска Донского к началу XX в. количество войсковой земли составляло более 12 млн дес., а общее количество всей земли в Донской области было более 15 млн дес. [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 3276, л. 5об]

Самыми крупными видами войсковых земельных владений являлись земли станичных наделов.

Еще одно направление – административно-управленческое. Создававшаяся система управления на Дону имела свою специфику, выражавшуюся в ее военно-административном характере. Территория, ее хозяйственный ресурс и управленческая система должны были реализовывать главную задачу – выход казаков на службу.

В итоге к началу XX в. Донское войско имело территорию, особую систему управления, владело земельными и другими хозяйственными ресурсами, казаки, как военно-служилое сословие, имели ряд экономических льгот и привилегий. Наличие таких элементов способствовало политической институционализации Войска Донского. В период февральской революции произошла трансформация войсковых систем управления, превратившихся в полноценные политические органы власти. В период Гражданской войны Войско Донское фактически превратилось в самостоятельное государственное образование, отчетливо проявилось воздействие территориального фактора на политическое поведение казаков.

Находясь в составе антибольшевистских сил, Войско Донское проводило самостоятельную политику, создавая собственные квазигосударственные структуры, которые должны были защищать интересы казаков. Казачество борьбу с большевиками восприняло, прежде всего, как борьбу за сохранение своих прав и привилегий. Защита своей земли, как совокупности территории проживания и хозяйственного ресурса и своего особого статуса стали важнейшими задачами сообщества. Военные и политические вожди казаков успешно использовали казачье мировоззрение, ключевыми элементами которого являлось осознание своей личности. Например, атаман П. Н. Краснов, обращаясь к делегатам Войскового круга упоминал о славном прошлом, когда казаки были вольными людьми, имели свое выборное правительство и своего выборного Атамана. «Они жили на Дону сами по себе... «Здравствуй Царь в Кременной Москве, а мы казаки на Тихом Дону» – гордо говорили они посланникам Царя Московского» [Краснов, 1991, с. 215, 221].

В ходе Гражданской войны донские казаки не раз демонстрировали готовность сражаться за свою землю, но не хотели выходить за границы войска, даже когда этого требовала военная необходимость. Например, делегаты Большого Войскового Круга из казаков-фронтовиков в 1918 г. по вопросу выхода армии за границы Донской области, так формулировали свою точку зрения: «...надо добиться, чтобы флажки (обозначающие на карте линию фронта – О.Р.) назад не двигались, но и вперед дюже не пущались» [Донская волна, 1918]. П.Н. Краснов писал о том, что имея власть почти самодержца, он чувствовал себя бессильным заставить казаков идти за границу, о распространении среди казачества «местного патриотизма», когда на митингах в военных частях выносились резолюции о том, что сражаться надо только за станицы своего округа и не переходить его границ...» [Краснов, 1991, с. 232].

Использование территории как политического фактора, но уже в целях ослабления сопротивления казачества реализовали большевики. Их политика территориально-административного реформирования усиливала меры по расказачиванию общества. По мнению И. В. Сталина, принимавшего участие в 1919 г. в обсуждении территориального вопроса Донского войска, передача его частей в состав других административных единиц должна была иметь влияние на разложение казачества [Бугай, 2000, с. 43]. В 1920–1921 гг. части Области войска Донского были переданы в состав Донецкой губернии, Калмыцкой автономной области, Царицынской губернии и Донской области.

Территориальные переделы проводились большевиками и в других казачьих войсках Юга России. С учетом ее результатов и воздействия на дальнейшее развитие казачьих сообществ историки ее характеризовали, как «территориальный геноцид» [Бугай, 2000, с. 43].

Большевики также использовали территориальный фактор с целью привлечения казаков на свою сторону. Так, в 1924 г. в период проведения политики «лицом к казачеству» по инициативе партийных и советских органов Юго-Восточного края было осуществлено возвращение казачьих территорий в состав РСФСР из Донецкой губернии УССР. И, как отмечали краевые партийно-советские руководители, это внесло элемент примирения казачества с советской властью [Перехов, 1997, с. 78].

С исчезновением казачьих войск, как территориально-административных единиц, утратился и политический институциональный характер казачьих районов. Однако, в 1920–1930-х гг. казачество выступает как территориальное сообщество, сохраняло сплоченность, социальную идентичность, и даже пыталось отстаивать свои интересы. О том, какое значение партийно-советские органы придавали существованию таких казачьих территорий, социальным настроениям на них свидетельствует ситуация в бывших округах Области войска Донского.

Так, в 1921 г. после ряда территориально-административных преобразований, Царицынская губерния оказалась разделенной почти поровну на казачью и неказачью части. В губернию входило 4 уезда с крестьянским населением и 3 округа из числа округов бывшей Области войска Донского. В 1923 г. произошло укрупнение уездов и Царицынская губерния, а затем Сталинградская губерния была разделена на три казачьих округа и три крестьянских уезда. [Список..., 1928, с. VI]. Численность казачьего населения в этих округах составляла 70–80% [ГАВО, ф. 37, оп. 1, д. 874, л. 1].

Власти Сталинградской губернии, опасаясь организованного политического выступления казачества, применяли специальные меры для фиксирования социальных настроений казаков. Например, в 1925–1926 гг. в казачьих районах с периодичностью раз в три месяца проводились обследования состояния территорий и населения, выявлялись экономические и социальные проблемы, а также выяснялось политическое настроение казаков, наличие среди них повстанческих настроений, политического бандитизма [ГАВО, ф. Р-1722, оп. 2, д. 283, л. 17, 22, 48об., 49, 69 и др.].

В 1928 г. и 1934 г. в связи с образованием сначала Нижне-Волжского, а затем Сталинградского края, казачьи округа оказались включенными в крупные территориально-административные единицы, в которых было много неказачьих районов. Часть казачьих территорий вошли в состав округов, с преобладанием крестьянского населения. Например, несколько районов Усть-Медведицкого и Хоперского округов вошли в состав Камышинского уезда, а Второй Донской округ был полностью влит в Сталинградский округ.

Такая территориально-административная перегруппировка объективно влияла на «растворение» казачества в крестьянской среде. В целом в период советского строительства и социалистической модернизации всех сфер общественного устройства донское казачество, было растворено в советской общности. Его внешние характеристики: сословный статус, наличие собственной территории были упразднены.

Однако, де-факто на Юге России сохранились территории компактного проживания казачества. Так, в Волгоградской области в конце 1980-х гг. 17 из 32 районов являлись территориями, на которых казачество являлось преобладающим населением. Это оказало существенное влияние на развитие возрожденческих процессов в конце 1980-х–начале 1990-х гг.

В период возрождения вновь актуализируется понимание территории в контексте политической институционализации. Территориальный дискурс опирался на два важнейших положения. Первое – территория традиционного проживания казачества. Здесь проявлялся архаичный принцип народа-первопоселенца. Второе – политическая реабилитация, ликвидация последствий передела территории Области Войска Донского, восстановление ее в прежних границах [Озеров, Киблицкий, 2004, с. 51].

В начале 1990-х гг. среди донского казачества особо актуальной являлась идея восстановления Донской республики [Иваненко, 1992, с. 30]. В 1991 г. СКОВД (Союз казаков Области Войска Донского) обратился к народным депутатам Советов всех уровней от районных до депутатов представлявших Ростовскую область в Советах РСФСР и СССР с призывом восстановить на Дону незаконно упраздненное национально-государственное образование в составе РСФСР [Озеров, Киблицкий, 2004, с. 104].

Высказывались также предложения о воссоздании исторической территории Донской области, что позволило бы создать единство этнических и территориальных границ [Обращение..., 2002, с. 389]. На Большом Круге СКОВД в 1991 г. было заявлено о признании территории бывшей Области Войска Донского местом исторического проживания донских казаков, а также о признании права казаков на свободное самовыражение в рамках этой территории [Решение..., 2002, с. 391].

Участники возрожденческого процесса развивали свои идеи в контексте тех этнополитических процессов, которые происходили в России в этот период. Совмещение этнических и территориально-экономических границ создавало возможность для самоопределения казаков. Таким образом, территория, понимаемая,

как политический институт, являлась фактором развития казачества, как этнического сообщества.

Во второй половине 1990-х гг. развитие идеи воссоздания исторической территории для казаков получает, при поддержке местных властей, новое направление. В ряде региональных уставов Юга России появляются понятия «территории традиционного проживания», казачества, как «исторически сложившейся общности» на данной территории. В частности, такие положения появились в документах Ростовской и Волгоградской областей [Озеров, Киблицкий, 2003, с. 37; Закон..., 2001, с. 431; Закон..., 2012]. С учетом того, что не все районы этих субъектов являлись казачьими, можно говорить о своеобразном «показачивании» (социокультурном конструировании) территорий. Примером такого территориального конструирования можно назвать предложение казаков в 1996 г. о внесении в Устав Волгограда, который никогда не входил в состав Войска Донского, специальной главы «О казачестве г. Волгограда» [Пояснительная записка, 1996, с. 3].

Такое же социокультурное конструирование наблюдается и при создании казачьих округов, которые, являясь общественными организациями, претендовали на историческую преемственность с бывшими территориально-административными структурами Войска Донского. В документах казачьих обществ закреплялись территориальные границы их деятельности, которые совпадали с историческими границами округов [Устав..., 1997]. Но были и округа-новоделы, не имевшие своих исторических прототипов. Их территориальная привязка являлась социокультурной конструкцией.

В таком контексте фактор территории должен был влиять на сплочение казачества, превращение его вновь в территориальное сообщество с выраженным политическим и социально-экономическим интересом. По мнению казачьих лидеров казачья территория с правами субъекта Российской Федерации была необходима для успеха возрождения. Только в этом случае могли быть созданы условия для самоорганизации людей и охраны их этнических интересов [База возрождения..., 1999, с. 2]

Если идея «своей земли» для участников казачьего возрождения имела высокую актуальность, то для потомков казаков, не входивших в казачьи организации, но проживавших на исторических территориях казачества, имевших с ней поколенческую связь, значимость этой идеи была не столь очевидна. Проведенный в 2008 г. Министерством регионального развития РФ социологический опрос населения ряда казачьих областей показал, что только 24,2% опрошенных отнеслись однозначно положительно к идее создания казачьих областей, как административных единиц в местах традиционного проживания казачества [Информационный бюллетень..., 2008, с. 17].

В целом в 2000-х гг. политико-институциональное значение территории для казачьего сообщества теряет свою актуальность. Более выраженной в казачьих регионах

оказывается тема культурного пространства. Ее практическое воплощение проявляется в сохранении культурного наследия казачества широко представленного в мемориальной культуре юга России, в частности в крупных музейных комплексах, архитектуре станиц, памятных местах. Кроме этого, широко практикуется и конструирование культурных практик в виде популяризации казачьих праздников, развития коммеморативной практики. Важность этой темы определяется научно-практическим развитием такого направления, как конструирование образов российских регионов и обращение к казачеству, как к символу Юга России [Кринко, 2012, с. 191–206].

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. В процессе формирования и развитии донского казачества, как социо- и этнокультурного феномена сложился концепт «своя земля». Сложная природа этого концепта содержала культурно-символические, социально-экономические и политические аспекты. «Своя земля» являлась фактором, влияющим на развитие социальной, этнокультурной и территориальной идентичности казачества. В истории казачества особенно сильно проявился политико-институциональный характер территории. В кризисные и переломные моменты казачьей истории фактор территории влиял на формирование и выражение интересов казачьего сообщества. Он мог выступать как консолидирующая основа, либо использоваться для разрушения сообщества, как фактор размывания или восстановления социальной идентичности казачества.

Мощное воздействие территориального фактора сказалось в конце XX в. при разворачивании возрожденческого процесса. «Своя земля» стала не только политическим, но и символическим аспектом казачьего возрождения. По мере стабилизации возрожденческого процесса более востребованным становился не политический, а культурно-символический ресурс территории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Авраменко А.М. Территории казачьих войск и сообществ (XV–XX вв.) URL: <http://www.slavakubani.ru/kkv/land-management/history-administrative-division/territorii-ka-zachikh-voysk-i-soobshchestv-xv-xx-vv/> (дата обращения – 04 апреля 2020 г.).

Агафонов А.И. История Донского Края (XVI–первая половина XIX века. Исторические источники и их изучение). Ростов н/Д: Изд-во «Приазовский Край», 2001. 384 с.

База возрождения – казачье общество. Интервью с первым заместителем казачьего общества «Всевеликое войско Донское» по Волгоградской области А.А. Бирюковым // *Казачий круг*. 1999. № 33 (27 авг.).

Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-е годы). М.: Можайск-Терра, 2000. 96 с.

Верховский А.М., Папп А.А., Прибыловский В.В. Политический экстремизм в России. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. 356 с.

Волвенко А.А. Донское казачество позднеимперской эпохи. Земля. Служба. Власть. Вторая половина XIX–начало XX века. Москва: Центрполиграф, 2018 г. 223 с.

Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 37. Оп. 1. Д. 874.

ГАВО. Ф. Р-1722. Оп. 2. Д. 283.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 3276.

Донская волна. 1918. № 16.

Закон Волгоградской области № 404-ОД «О казачьих обществах, принявших обязательства по несению государственной и иной службы на территории Волгоградской области». Принят Областной Думой 27 апреля 2000 г. // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х тт. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2001. Т. 2. 678 с.

Закон Волгоградской области «О внесении изменений в Устав Волгоградской области» от 24 февраля 2012 года N 1-ОД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/453115419> (дата обращения – 23 марта 2020 г.)

Иваненко С.А. Будет ли Дон Тихим? (Донское казачество: история и современность) // *Отечественные архивы*. 1992. № 6. С. 30–35.

Информационный бюллетень о ходе реализации аналитической программы Министерства регионального развития Российской Федерации «Становление и развитие государственной службы российского казачества в 2008–2010 годах. Вып. 3. Москва, 2008.

Козлов А.И., Козлов А.А., Кислицын С.А., Попова Н.А. Власть на Дону. От первого атамана до первого губернатора (Краткие исторические очерки). Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство (Ростиздат), 1999. 128 с.

Кореньяко В.А. Казачество в Ставропольском крае – фактор стабилизации или конфликтогенеза? // *Возрождение казачества: надежды и опасения*. М.: Би., 1998. С. 104–138.

Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское // *Архив русской революции*. В 22-х т. Т. 5. М.: «Терра»: Политиздат, 1991. 360 с.

Кринко Е.Ф. Бренд казачества: мемориальная версия // *Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест*. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 191–206.

Маркедонов С.М. Неоказачество на Юге России: идеология, ценности, политическая практика // *Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований*. 2003. № 5(29). С. 161–174.

Обращение IV Большого Круга общественной организации «Хоперский казачий округ». 21 сентября 1991 г. // *Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов. Исследования и документы*. Ростов н/Д:ООО «Ростиздат», 2002. 464 с.

Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение казачества в новой России. (Социально-философский аспект). Ростов н/Д.: ООО «Ростиздат», 2004. 304 с.

Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Донские казаки: проблемы возрождения и перспективы развития. В 2-х частях. Часть вторая (история современного донского казачества). Исследования и документы. Ростов н/Д.: ООО «Ростиздат», 2003. 320 с.

Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д.: Изд-во «Гефест», 1997. 140 с.

Пояснительная записка «О предложениях казачьих общественных организаций города Волгограда по проекту Устава города-героя Волгограда» // *Казачий круг*. № 5 (2 фев.). 1996.

Рвачева О.В. Движение за возрождение казачества на Юге России в начале 1990-х гг.: организационные формы, идеи и участники процесса // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2016. № 4. Т. 21. С. 123–134.

Решение Большого Круга Союза казаков Области Войска Донского. 6 октября 1991 г. // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов. Исследования и документы. Ростов н/Д.: ООО «Ростиздат», 2002. 464 с.

Рыблова М.А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI–первой половине XIX века. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 544 с.

Сень Д.В. Из истории донского фронта: отношения казаков с Османским Азовом XVII в. // *Лавровский сборник: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.: этнология, история, археология, культурология. К столетию со дня рождения Л.И. Лаврова*. СПб., 2009. С. 399–402.

Солов А.В. Концепт фронта и казаки // *Вопросы казачьей истории и культуры*. Вып. 8. Майкоп: Изд-во Магарик И.Г., 2012, 220 с.

Список населенных мест Сталинградской губернии. По материалам Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. Сталинград. Издание губисполкома, 1928.

Устав войскового казачьего Общества «Всевеликое Войско Донское» (утв. Указом Президента РФ от 17 июня 1997 г. № 612).

REFERENCES

Avramenko A.M. *Territorii kazach'ih vojsk i soobshhestv (XV–XX vv.)* [Territory of Kazakh troops and communities (XV–XX centuries)]. Available at: <http://www.slavakubani.ru/kkv/land-management/history-administrative-division/territorii-kazachikh-voysk-i-soobshchestv-xv-xx-yy-/> (accessed 04 April 2020).

Agafonov A.I. *Istorija Donskogo Kraja (XVI pervaja polovina XIX veka. Istoricheskie istochniki i ih izuchenie)* [History of the Don Territory (XVI first half of the 19th century. Historical sources and their study)]. Rostov-na-Donu: Priazovsky Krai, 2001. 384 p. (in Russian)

Baza vozrozhdenija – kazach'e obshhestvo. Interv'ju s pervym zamestitelem kazach'ego obshhestva "Vsevelikoe vojsko Donskoe" po Volgogradskoj oblasti A.A. Birjukovym [The base of revival is the Kazakh society. Interview with the First Deputy of the Kazakh Society

“Vsevolikoe Army Don” in the Volgograd Region A.A. Biryukov], in *Kazakh Circle*. 1999. № 33 (27 Aug.) (in Russian).

Bugaj N.F. *Kazachestvo Rossii: ottorzhenie, priznanie, vozrozhdenie (1917–90-e gody)* [Russian cossacks: rejection, recognition, revival (1917–1990)]. Moscow: Mozhaisk Terra, 2000. 96 p. (in Russian).

Verhovskij A.M., Papp A.A., Pribylovskij V.V. *Politicheskij jekstremizm v Rossii* [Political extremism in Russia]. Moscow: Institute of Experimental Sociology, 1996. 356 p. (in Russian).

Volvenko A.A. *Donskoe kazachestvo pozdneimperskoj jepohi. Zemlja. Sluzhba, Vlast'. Vtoraja polovina XIX–nachalo XX veka* [Don Cossacks of the Late German era. Earth. Service, Power. The second half of the 19th and early 20th century]. Moscow: Centrpoligraf, 2018. 223 p. (in Russian).

State Archive of the Volgograd Region (GAVO). F. 37. Inv. 1.

GAVO. F. R-1722. Inv. 2. D. 283.

State Archive of Rostov Region (GARO). F. 46. Inv. 1. D. 3276.

Donskaja volna. 1918. № 16 (in Russian).

Zakon Volgogradskoj oblasti № 404-OD “O kazach’ih obshhestvah, prinjavshih objazatel’stva po nesenuju gosudarstvennoj i inoj sluzhby na territorii Volgogradskoj oblasti”. Prinjat Oblastnoj Dumoj 27 aprelja 2000 g [Law of the Volgograd Region № 404-OD “On Kazakh Societies that Have Accepted Obligations to Perform Public and Other Service in the Territory of the Volgograd Region”. Adopted by the Regional Duma on April 27, 2000], in *State acts on issues of Russian and Don Kazacks*. In 2 tt. Rostov-on-Don: Rostizdat, 2001. Vol. 2. 464 p. (in Russian)

Zakon Volgogradskoj oblasti O vnesenii izmenenij v Ustav Volgogradskoj oblasti ot 24 fevralja 2012 goda № 1-OD [Law of the Volgograd Region On Amendments to the Charter of the Volgograd Region of February 24, 2012, № 1-OD]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/453115419> (accessed 23 March 2020).

Ivanenko S.A. Budet li Don Tihim? (Donskoe kazachestvo: istorija i sovremennost’) [Will Don be Quiet? (Don Cossacks: history and modernity)], in *Otechestvennye arhivy*. 1992. № 6. Pp. 30–35 (in Russian).

Informacionnyj bjulleten’ o hode realizacii analiticheskoj programmy Ministerstva regional’nogo razvitija Rossijskoj Federacii “Stanovlenie i razvitie gosudarstvennoj sluzhby rossijskogo kazachestva v 2008–2010 godah” [Information Bulletin on the Implementation of the Analytical Program of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation “Formation and Development of the State Service of the Russian Kazacks in 2008–2010”]. Release 3. Moscow, 2008 (in Russian).

Kozlov A.I., Kozlov A.A., Kislicyn S.A., Popova N.A. *Vlast’ na Donu. Ot pervogo atamana do pervogo gubernatora (Kratkie istoricheskie ocherki)* [The power to Dona. From First Ataman to First Governor (Brief Historical Essays)]. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatel’stvo (Rostizdat), 1999. 128 p. (in Russian).

- Korenjako V.A. Kazachestvo v Stavropol'skom krae – faktor stabilizacii ili konfliktogenez-a? [Kazak in the Stavropol region – a factor of stabilization or conflict?], in *Revival of Kazak: hopes and fears*. Moscow, 1998. Pp. 104–138 (in Russian).
- Krasnov P.N. Vsevolikoe vojsko Donskoe [Vsevolikoe Army Don], in *Archive of the Russian Revolution*. In. 22. T. 5. Moscow: Terra: Politizdat, 1991. 360 p. (in Russian).
- Krinko E.F. Brend kazachestva: memorial'naja versija [Brand of Cossacks: memorial version], in *Kul'tura i prostranstvo: istoriko-kul'turnye brendy i obrazy territorij, regionov i mest* [Culture and space: historical and cultural brands and images of territories, regions and revenge]. Rostov-na-Donu: UNC RAN, 2012. Pp. 191–206 (in Russian).
- Markedonov S.M. Neokazachestvo na Juge Rossii: ideologija, cennosti, političeskaja praktika [Neokasak in the South of Russia: ideology, values, political practice], in *Central'naja Azija i Kavkaz. Zhurnal social'no-političeskikh issledovanij*. 2003. № 5(29). Pp. 161–174 (in Russian).
- Obrashhenie IV Bol'shogo Kruga obshhestvennoj organizacii "Hoperskij kazachij okrug" [Appeal of the Big Circle of the public organization "Hopersky Kazakh District"]. 21 sentjabrja 1991 g., in Ozerov A.A., Kiblickij A.G. *Sojuz kazakov Oblasti vojska Donskogo. Vojskovoju ataman M.M. Sholohov. Issledovanija i dokumenty*. Rostov-na-Donu: OOO "Rostizdat", 2002. 464 p. (in Russian).
- Ozerov A.A., Kiblickij A.G. *Vozrozhdenie kazachestva v novoj Rossii. (Social'no-filosofskij aspekt)* [Revival of the Kazacks in the new Russia. (Social and philosophical aspect)]. Rostov-na-Donu: OOO "Rostizdat", 2004. 304 p. (in Russian).
- Ozerov A.A., Kiblickij A.G. *Donskie kazaki: problemy vozrozhdenija i perspektivy razvitija*. [Don Kazacks: problems of revival and prospects of development]. V 2-h chastjah. Chast' vtoraja (istorija sovremennogo donsokogo kazachestva). Issledovanija i dokumenty Rostov-na-Donu: "Rostizdat", 2003. 320 p. (in Russian).
- Perehov Ja.A. *Vlast' i kazachestvo: poisk soglasija (1920–1926 gg.)* [Power and Kazacks: search for consent (1920–1926)]. Rostov-na-Donu: Publishing house "Gefest", 1997. 140 p. (in Russian).
- Pojasnitel'naja zapiska "O predloženijah kazach'ih obshhestvennyh organizacij goroda Volgograda po projektu Ustava goroda-geroja Volgograda" [Explanatory Note "On Proposals of Kazakh Public Organizations of the City of Volgograd on the Draft Charter of the Hero City of Volgograd"], in *Kazachij krug*. 1996. № 5 (2 fev.) (in Russian).
- Rvacheva O.V. Dvizhenie za vozrozhdenie kazachestva na Juge Rossii v nachale 1990-h gg.: organizacionnye formy, idej i uchastniki processa [Movement for the Revival of the Kazacks in the South of Russia in the early 1990s: organizational forms, ideas and participants of the process], in *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2016. № 4. Vol. 21. Pp. 123–134 (in Russian).
- Ryblova M.A. Donskoe bratstvo: kazach'i soobshhestva na Donu v XVI–pervoj polovine XIX veka [Kazakh communities on Don in the 16th–the first half of the 19th century]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2006. 544 p. (in Russian).

Sen' D.V. Iz istorii donskogo frontira: otnoshenija kazakov s Osmanskim Azovom XVII v. [From the History of the Don Front: Relations of Kazacks with Ottoman Azov XVII Century], in *Lavrovskij sbornik: materialy XXXIII Sredneaziatsko-Kavkazskih chtenij 2008–2009 g.: jetnologija, istorija, arheologija, kul'turologija. K stoletiju so dnja rozhdenija L.I. Lavrova* [Lavrov Collection: Materials of XXXIII Central Asian-Caucasus Readings 2008–2009: Ethnology, History, Archaeology, Cultural Studies. To the centenary of L.I. Lavrov's birth]. St Petersburg, 2009. Pp. 399–402 (in Russian).

Sopov A.V. Koncept frontira i kazaki [The concept of front and Kazacks], in *Voprosy kazach'ej istorii i kul'tury*. Vyp. 8. Majkop: Izd-vo Magarik I.G., 2012. 220 p. (in Russian).

Spisok naseleennyh mest Stalingradskoj gubernii. Po materialam Vsesojuznoj perepisi naselenija 17 dekabnja 1926 g. [List of settlements in Stalin Province. According to the materials of the All-Union Population Census on December 17, 1926]. Stalingrad: Izdanie gubispolkoma, 1928 (in Russian).

Ustav vojskovogo kazach'ego Obshhestva "Vsevelikoe Vojsko Donskoe" (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 17 ijunja 1997 g. № 612) [Charter of the Military Kazakh Society "Vsevolikoe Army Don" (Ut. Decree № 612 of the President of the Russian Federation of 17 June 1997)] (in Russian).